

Это на исследование творчества режиссера Анатолия Васильева и не его портрет. Просто записки зрителя. Правда, из Германии.

«Московские театральные дни в Мюнхене в январе 1988 года стали для меня примерно историческими. Не только из-за обширной и заманчивой программы (е я, уехав из Союза, русский театр знала только заочно), но в основном потому, что я пострелялась с Анатолием Васильевым. Сначала — с его фотографией в фойе «Бастейга» в экспозиции Баухаусовского музея, одного из самых моих любимых — с детства. Стенд, посвященный театру Ан. Васильева, разглядывала особенно долго — не слышала, к кому своему, о таком театре. А вот и сам режиссер был — необычно, удив-

ай она очень напоминала вышедшую в студенческой или школьной аудитории. С курткой пальто, куртки, плащом, шубкой, мило-то случайно, вроде бы, как птицы, слетевшихся сюда. Но атмосферу театра, к тому же особенного театра, вы ощущаете сразу же, атмосфера — как бы какой-то отрешенности от мира сего. Библиотечной или монастырской замкнутости и одновременно возвышенности, праздничности. И понимаете: сюда не так-то просто попасть. Здесь своя жизнь, своя жизнь, свои мерки и требования. Сцена и театральный зал —

Уроки Мастера

Соб. записки. — 1991 — 22.10.1991
впечатное лицо, тонкие брови над гравюрами в старинных книгах. И, может быть, на иконах.

Просмотр андросовитовской «Воскресшая дочь» молодого человека потряс душу. Перед показом режиссер сказал: «С этой пьесы начал в 1979 году реально существовать наш театр. Спектакль был шлягером в течение двух лет. Потом у Любимова на Таганке поставили следующую вещь В. Шкловского — «Саргос»...

— Когда же? — задала я вопрос.
— Естественно, в начале семидесятых. Есть уже приглашение на Берлинский фестиваль.

— Почему же тогда не итальянцы в Коломбине? — удивилась я.

— Да потому, что уже двадцать сражался гастроли — нечего обманывать Васильева.

В Берлин он все же приехал. А из своего Франкфурта прямо-таки приехал.

Там я посмотрела и «Саргос», и «Шесть персонажей в поисках автора Пиранделло». Этим самым спектаклем открылся в 1987 году театр Васильева «Школа драматических искусств». Авторами были студенты режиссерского факультета, собиравшиеся двенадцать в год (по месту) для совместной работы и репетиции. Все открылось на репетиции, за три дня, но не совсем так, как вы видите.

В Берлин он все же приехал. А из своего Франкфурта прямо-таки приехал. Там я посмотрела и «Саргос», и «Шесть персонажей в поисках автора Пиранделло». Этим самым спектаклем открылся в 1987 году театр Васильева «Школа драматических искусств». Авторами были студенты режиссерского факультета, собиравшиеся двенадцать в год (по месту) для совместной работы и репетиции. Все открылось на репетиции, за три дня, но не совсем так, как вы видите.

Пропускаем еще три года и называемся... в Москве. Сейчас я впереди иду и мистерию «Колдунья». Странно, однако, что знаменитые люди, среди которых не были никуда. Ни разу. Слышала, но видеть не видела. Я знала адрес: Ворожского, 20—22. Моя столичная пригласительница не знала даже этого. В театр мы попали так: спустились сначала в какой-то подвальный отсек, где артистичная ситуация, артистичная, надо сказать, вполне базисная и без удивления, воспринимая даже ситуацию. Не вопрос: «Где тут театр Васильева», кто-то из них махнул рукой в сторону шаткой мостовой: «Да вот, выберете наверх. И — налево».

Итак, вверх по шаткоуму, грозящим тут же перевернуться и опрокинуться под нами доскам выкарабкались мы не более твердую почву. И — по каменным ступенькам лестницы спустились вниз.

Спешу огорчиться: нормальных гостей не приходится проводить этот круглый маршрут. Это нас просто «сдуло». Вход в театр «Школа драматического искусства» довольно прост: ступеньки Ворожского надо взобраться за угол налево и еще раз налево.

Театр, как известно, начинался с вешалки У Васильева

одно продюжерское помещение. Стол в коридоре, вы видите все как бы в разрезе. Вы проходите по коридору параллельно залушной части, просцениуму, сцены, — все здесь на одном уровне. А вот наметившиеся ряды со знаменитой мне уже баллонообразной формой. Эта деталь тоже кончалась с театром на гастролях.

В одном из интервью с Васильевым автор «Русской Мысли» в Париже Наталья Горбаневская назвала его коллектив «Бродячие люди». Нет, наверное. Помещение и правда, небольшое, мало-мальское даже. Но это — дом. С четко продуманной планировкой. Созданный с умом и сердцем. Аскетичный. Со стенами — белыми, словно изразвешенными. И что особенно запомнилось на фоне всеобщей московской запыленности, — в вымытых до блеска стенах окон.

Меня встретил вопрос: «Какие судьбы?» Все тот же взгляд полуприкрытых век.

Перед началом просмотра Васильев сказал: «Это не премьеры. Это даже еще не готовый спектакль. Мы будем смотреть его большими стариками. С чистыми паузами. Моменты обмениваться мнениями. Просмотр будет длиться примерно до 12 ночи».

И вот саву а зала погас. И мы повзрослели прямо на глазах во Флоренции. Да нет, пожалуй, — а жизнь самого Медичи.

Вы не только видите глаза актеров, почти касаетесь локтей локтей. К вам обращаются непосредственно. Вас колот, давят слезы, шуршит, как зантригованной. И вы уже не отделяете истину от выдумки. В дебютную минуту вы узнаете знакомых, вы слышите из интонации. Более того, характер, ситуация, происходящая начинают волновать вас. Вы смеетесь, вас обурывает тысячи чувств. Вы задаете мысленный диалог с персонажами. Берегитесь, колесными треск!

О «Флоренце» Т. Манна писать рано. Спектакль не сбавил. Но удивленно настолько живо, красочно, органично и прекрасно, что дей-то нем всем Бог дожить до премьеры. И хотя просмотр длился часовой с перерывами, домой уходили с большой нелозотой. Любопытство объяснено: «Образное «фри-театра» (свободного театра) в Союзе, по-моему, не так много. Или нет вообще».

За последние годы «Школа драматического искусства» сумела отозвать помещение над подвалом, где до этого жили четвергантики, потом пыталась заселиться всевозможные кооператоры. Но вот наконец-то помещение передано театру. Есть уже план реконструкции, когда уберут потолок над подвалом. Словом, театр приобретает воздух и «подземные» места. Но это пока только в плане. Навер, музей театра, кабинет звукорежиссера и еще один зал с крошечной сценой. Такой уютный, «домашний», для небольших концертов.

Жизнь была мальчик. Ходил в школу в Ростов-на-Дону, как все дети. Но однажды мальчик пришел в гости к театру. К своей родной. И увидел кадры цветной кинопленки. И мальчик лет десяти — десяти — десяти решил для себя буду режиссером!

Окончил школу и приехал в Москву. Во ВГИК, как и все остальные, он пришел в драматический народ Васильев Шумилин. Тогда поступать в кино. Только вот Васильева во ВГИК не приняли. Закончил другой институт.

Стол [Эксперт. Потом был фойе]. [Сидит, слушаю тоже был на фойе]. Работал. А технику в театр. В Ростове-на-Дону был студенческий спектакль. Там он встретил В. Шкловского. Там родился их творческий союз с Шкловским. Ставил мюзиклы. Потом был ГИТИС.

Сам Васильев рассказывает так: «Талант? Что такое — талант? Только талант!».

Я прошел путь и, не имея каких-то дарами особенных, был приучен стариками — по-школе в учился у стариков, и в этом смысле счастливый человек, — приучен и убежден. Вот потом в «Тал» думать, что театр — это такая наука, которая должна передаваться от стариков к молодым. Она на должна перерываться.

И были в его жизни тысячи парижский, Сталинский, восточный, потер. Потери друзей, учеников. Ведь в то же время он и сам стал учителем.

Он много ездил по всему миру. Стад известен. Знаю, знает. Луреат Государственной премии РСФСР, его спектакли удостоены премий и награды на международных театральных фестивалях. Во Франции он «Кавалер Ордена Искусств и Литературы».

Он ездил самими во Францию, Германию. О нем ходят слухи, почти легенды и анекдоты. Он же на всему этому — и к славе и к гримасам судьбы — относится как наблюдатель. Со стороны.

Я спрашиваю, что же нового произошло в театре? Когда мы открылись на доступе широкого зрителя? Ведь до сих пор это больше школа-студия. Студийки призывают на занятия, учатся, делают задания, живут здесь отрывком от своего мира, как монахи. Но когда же будет тот театр, о котором он рассказывает в группе актеров, пригласив мой путь на дорогостоящий материал, но труппой?

И вот такая следственная картина. Будущее поколение — бывшая юнкерская «Улица» — будет полностью реконструировано. На кагальи «Школа» в 1988 году строилась — отменил Васильев.

А сейчас ищется подработка. Предположительно иностранная фирма, которая и возьмется за строительство помещения своего офиса и театра. Но это самое раннее — к 95-му году, не раньше. А здесь, на Ворожского, останется студия.

— А годы мрут. Ты все-таки дыши в Союзе или была? — Дно что произошло с «Свободой» мы мистерию урвали? Почему его покинул только в Югославию, Австрию и Италию? Могу я спросить?

Молчание. Потом: — Понимаешь. Сейчас — тяжелая ситуация. Пять-шесть лет назад жили. Мой личный спектакль в Мюнхене (он говорил очень тихо). Его не будет больше.

— Я думаю, премьера просто отложена. Не время.

— Нет, его больше не будет. Никогда не будет. Все погибло в эту короткую крошечную иракскую войну. Вот тебе — азиатская война и искусство. Собирались в публичную библиотеку турки: Европа, Америка, Япония (в том числе и во Франкфурте). А Москва — в Сицилии, в Драматическом. Переговоры велись, но на начало войны. И — все! Никаких контрактов, никаких продолжений. Актрисы ушли. Спектакль теперь только в кино доживался.

Что можно было сказать в ушедшей? Что ему еще надо? Понимает? Что в эти годы можно? еще годы «свободы»? Такого оно так.

Он задумчиво записывает в блокнот и не уходит в блокнот. Задумчиво задумчиво, так же словно Васильев, то вы видите его учеников. Они разлетались во всем Союзе. Работают в театрах, в школах, телевидении. И, если не удается, на всех их, им приходится, удаются ему сохранив под крышей своего дома, то слышат, брошенные руки этого большого и своеобразного Мастера, дают свободу, свободу.

Майя МИХАЙЛОВА
ФРАДОВИЧ-МАРИНА

© Сцена в театральном «Свобода»

